

Каткова Л.В., Мекка О.А.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
laralina@list.ru*

Востребованность правовых знаний в качестве показателя правовой культуры населения

В проводимых авторами опросах общественного мнения по теме «Правовая культура» одной из задач было выявление потребности разных групп населения в правовых знаниях, а также спрос социальных групп на правовую информацию по отдельным отраслям права.

Всего в декабре 2024- январе 2025 было опрошено 336 человек из 6 городов Поокского региона. Выборка пропорциональная: пенсионеров 115 (34%), рабочих 95 (29%), служащих 68 (20%), предпринимателей 28 (8%), студентов 30 (9%).

В исследовательской программе были выдвинуты следующие гипотезы:

1.1 Степень заинтересованности населения Поокского региона в получении бесплатной правовой информации, предположительно, средняя (не менее 50% от общего числа опрошенных).

Это общая гипотеза полностью подтвердилась: 178 респондентов или 53% всех респондентов показали средний уровень востребованности правовой информации; 91 человек или 27% заявили о высокой потребности. Лишь 17% определили потребность как низкую, и 3% затруднились определить такую потребность.

Частные гипотезы.

1.2 Наибольшая заинтересованность в получении правовой информации у пенсионеров и рабочих в силу особенностей их социального положения: относительно низкий уровень жизни пенсионеров и физический труд рабочих, требующий большего расходования жизненных сил, следовательно, требовательности к соблюдению норм трудового права, вопросам охраны здоровья, страхования от несчастных случаев на производстве.

Гипотеза о большей востребованности правовой информации пенсионерами и рабочими подтвердилась только применительно к рабочим. Если сложить доли «высоких» и «средних» оценок по всем группам, то у предпринимателей совокупная оценка 89%, против 85% у рабочих и 72% пенсионеров соответственно (хотя различия крайне незначительны и, скорее всего, укладываются в статистическую погрешность).

1.3 Лица, имеющие более низкий уровень благосостояния, в большей степени нуждаются в правовой информации.

Группировка показателей высокой и средней востребованности правовой информации (78%, 82%, 76% соответственно) для высокообеспеченных, среднеобеспеченных и низкообеспеченных граждан приблизительно одинакова. Таким образом, гипотеза о более выраженной потребности в правовой информации низкообеспеченных граждан не подтверждается. Данные по гипотезе 1.3 отражены в табл.1.

Таблица 1
Связь имущественного положения и потребности в получении правовой информации

№	Имущественное положение	Оценка потребности в правовой информации									
		Высокая		Средняя		Низкая		Затруднились		Всего	
1.	Высокообеспеченные	10	27%	19	51%	6	16%	2	5%	37	11%
2.	Среднеобеспеченные	71	32%	111	50%	34	15%	5	2%	221	66%
3.	Низкообеспеченные	11	14%	48	62%	16	21%	3	4%	78	23%
4.	Всего	92		178		56		10		336	100%

1.4 Наиболее востребованные отрасли права – право социального обеспечения, трудовое право, что обусловлено высокой долей пенсионеров и рабочих в выборке, следовательно, в меньшей степени будут востребованы семейное, жилищное и земельное право.

Гипотеза 1.4 подтверждается: право социального обеспечения и трудовое право по результатам опроса действительно лидируют по количеству ответов – 140 и 97 соответственно.

1.5 Семейное и жилищное право в большей степени востребованы студентами, а также лицами молодого возраста других категорий – рабочих, служащих.

Применительно к студентам эта гипотеза не подтверждается: наибольший интерес студенты проявили все же к трудовому праву, а не к жилищному и семейному.

Лица молодого возраста (18-30 лет) по группам студентов, рабочих и служащих наибольший интерес проявляют к трудовому праву, (47% от всего количества молодых людей – 154 человека), на втором месте – жилищное право (15 %), на третьем - право социального обеспечения (13%) и лишь на четвертом - семейное право (12%). Таким образом, гипотеза о востребованности отраслевого права молодежью подтверждается не полностью (лишь в части жилищного права). Данные по гипотезам 1.4 и 1.5 отражены в табл. 2.

Таблица 2 - Востребованность правовой информации по отраслям права основными группами населения (допускался выбор «до двух ответов»)

№	Соц. группа	Отрасли права														
		Трудовое право		Право соц. обеспеч.		Семейное право		Земельное право		Жилищное право		Другая отрасль права		Затрудн. отв.		
1	Пенсионеры	16	14%	40	35%	7	6%	10	9%	23	20%	-	0%	18	16%	114
2	Рабочие	59	43%	22	16%	16	12%	10	7%	20	15%	1	1%	8	6%	136
3	Служ., ИТР	34	38%	23	26%	6	7%	3	3%	16	18%	2	2%	5	6%	89
4	Предприн.	13	42%	5	16%	1	3%	1	3%	5	16%	1	3%	5	16%	31
5	Студенты	18	42%	7	16%	7	16%	4	9%	4	9%	-	0%	3	7%	43
6	Всего ответов	140		97		37		28		68		4		39		413

Выявленная оценка востребованности правовых знаний позволяет косвенно судить о проблемах, с которыми сталкиваются разные группы населения, следовательно, о потенциале деятельностной активности этих социальных групп в области защиты своих прав и свобод. Именно активность в использовании институтов гражданского общества для защиты интересов является главным показателем правовой культуры гражданского типа. [1] Полученные данные подлежат корреляции с другими показателями правовой культуры, прежде всего с выбором главных правовых ценностей, наличными установками по отношению к праву, законодательству и государственным институтам.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии//Полис (Политические исследования). – 1992. – №4. С. 122.

Каткова Л.В., Мекка О.А.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
laralina@list.ru*

К вопросу о подходах к формированию правовой культуры населения

В научной литературе вопрос о сущности правовой культуры является дискуссионным, следовательно, обосновываются и различные подходы к ее формированию.

Правовая культура – сложное явление и в ее составе следует выделить, как минимум, рациональный, чувственно-ценностный, деятельностно-технологический аспекты. Эти аспекты взаимодополнительны и противопоставление их не является плодотворным. Кроме того, эти аспекты могут иметь разное истолкование.

Для авторитарного общества в принципе характерен *объектный* подход к формированию правовой культуры. Он был типичен для социалистического общества, достаточно широко он распространен и в настоящее время. Основными критериями правовой культуры здесь являются законопослушное поведение и наличие правовых знаний. Этот подход культивируется, в частности, в статьях, посвященных поведению отдельных социальных групп (например, молодежи), или отдельным видам правонарушений. [1] Основными средствами формирования правовой культуры становится «правовое просвещение», формирующее «законопослушное поведение».

Во-первых, данный подход является манипулятивным и однонаправленным, т.е. содержит установку, что граждане в массе своей малокультурны, лишены должного уровня правосознания, а единственными носителями правовой культуры в виде знаний и ценностей являются профессиональные юристы как представители государства.

Такая позиция, находит поддержку и в теоретической литературе. Например, в учебниках авторства и под редакцией М.Н. Марченко (в отличие от подавляющего большинства других учебников по теории государства и права) в принципе отсутствует понятие «правовая культура», которое подменяется понятием «правомерное поведение», т.е. деятельностью людей по заданному свыше стандарту. [2]

Во-вторых, существует известное противоречие права и закона: далеко не все законы, как известно, являются правовыми и это является предметом социального диалога, доходящего до противостояния. В-третьих, профессиональное правосознание не лишено недостатков, в частности, оно характеризуется односторонностью, тенденциозностью, не говоря уже о том, что многие профессионалы демонстрируют вовсе не «правомерное поведение» и также нуждаются в целенаправленном воспитании, как и остальные граждане. [3]

В-третьих, объектный подход страдает абстрактно-оценочным, «уровневым» характером, унаследованным, вероятно, от эпохи Просвещения, когда культура понималась с позиций триады «дикость - варварство – цивилизация», т.е. когда наличие культуры признавалось лишь у «цивилизованных» народов, тогда как прочие в качестве ее носителей, а, следовательно, полноценных субъектов не рассматривались.

Наличие правовых знаний является важным, но не самым главным и, далеко не единственным, критерием правовой культуры. Каждая социальная группа объективно, вследствие своего конкретного положения в системе общественных отношений, является носителем определенного правосознания, следовательно, правовой культуры. Причем формируется она не столько целенаправленным изучением законов, сколько усвоенными в процессе повседневной деятельности стереотипами мышления и поведения, общими, сформированными социальной средой, представлениями о праве, законодательстве и государстве. Этот подход в научной литературе получил название социологического.

В работах Э. Гидденса и П. Бурдье показано, что не столько рациональные, сколько интуитивные устремления личности обеспечивают конкретный тип правового поведения и позволяют судить о типе правовой культуры с достаточной степенью определенности.

П. Бурдые утверждал, что система установок личности – хабитус – включает в себя традиционные и творческие, инстинктивные и сознательные компоненты. Эта система установок обеспечивают устойчивость форм поведения, их воспроизводимость, обеспечивает социальный выбор, то есть, реализуют ту же роль, которая присуща ценностям. [4]

Согласно Э. Гидденсу, «рутина обеспечивает целостность личности социального деятеля в процессе его (ее) повседневной деятельности, а также является важной составляющей институтов общества, которые являются таковыми лишь при условии своего непрерывного воспроизводства». [5] Опираясь на эти идеи классиков социологии, можно утверждать, что социальные субъекты руководствуются не столько нормами права, сколько общеизвестными правовыми ценностями, а именно: свободой, справедливостью, равенством, которые получают разное осмысление в сознании социальных групп.

С одной стороны, правовые ценности чрезвычайно абстрактны, с другой стороны, они легко идентифицируются на уровне индивидуального сознания и поведения. Любой человек может составить собственное представление о степени равенства, справедливости, законности. Сошлемся на позицию Н. Хартмана, который утверждал, что ценности влияют на поведение человека через опыт, ожидания, желания. [6]

В целом культура и ее специфика определяется теми *адаптивными механизмами*, которые вырабатываются в конкретных жизненных обстоятельствах, поэтому формирование правовой культуры неразрывно связано с процессом деятельности социальных групп и слоев, с изменениями условий их жизни. Деятельность по реализации идеалов «добра и справедливости» является, очевидно, конфликтной. Хотя государство и создает организационную основу, вырабатывая правовые механизмы регулирования общественных отношений, но используются эти механизмы (как представителями государства, так и гражданами) с разными целями, с разной степенью мастерства, с применением разных технологических приемов. В этом состоит деятельностно-технологический аспект формирования правовой культуры, требующий активного участия, риска, готовности пожертвовать своими интересами.

Таким образом, с одной стороны, необходим переход от субъект-объектного однонаправленного воздействия к субъект-субъектному взаимодействию, что предполагает развитие институтов гражданского общества. С другой стороны, следует отказываться от архаичного «уровневого» принципа оценки культуры в пользу понимания ее как объективно присущих субъекту разнообразных свойств. Таким образом, уровеньный подход отходит на вторичный план, а первичными становятся качественные характеристики, т.е. типы правовой культуры социальных субъектов.

Литература

1. См., например, Филимонова И.В., Беденков В.В. Проблема повышения уровня правовой культуры молодежи в России // Современный юрист. 2016. N 2. С. 33 - 51.
2. Марченко М.Н. Теория государства и права. Учебник. – 2 изд. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. С. 621- 624.
3. Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации в кн. Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации. М.: Кодекс, 2025. С.11-30.
4. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. С.125-130.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
- Абушенко В.Л. Хартман // Мировая энциклопедия. Философия XX века, Москва, Минск, 2002, С. 159-160.

Колонцов С.Е.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
Oid@Mivlgu.ru*

Инклюзивная образовательная среда и инклюзивное образовательное пространство: сущность и взаимосвязь

Конституция России гарантирует право на образование для каждого, что влечёт за собой обязанность государства сформировать доступную образовательную среду. Эта задача распространяется на все социальные группы и, в особенности, на лиц с особенностями развития. Таким образом, перед обществом стоит комплексная цель: обеспечить адаптацию, развитие и успешную социализацию обучающихся с особыми образовательными потребностями.

Однако на практике данный процесс сталкивается с существенными трудностями, связанными с усвоением учебного материала и социальной интеграцией указанной категории студентов. Классические педагогические подходы, применяемые в вузах, зачастую неэффективны для решения этих задач. В связи с этим возникает насущная потребность в создании и практическом применении специализированных образовательных методик, ориентированных на студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Эти методики должны быть объединены в целостную стратегию, формализованную в виде системы методических рекомендаций. Реализация подобного подхода становится осуществимой в контексте построения инклюзивной образовательной среды и формирования соответствующего образовательного пространства, что объясняет активное внедрение данных принципов в российских университетах.

В научном сообществе отмечается, что ключевая проблема в обеспечении доступности образования коренится в неоднозначном толковании базовых понятий – «инклюзивная образовательная среда» и «инклюзивное образовательное пространство». Для их корректного понимания необходимо сначала проанализировать их структурные компоненты.

Так, понятие «инклюзивная образовательная среда» основывается на более широкой категории «образовательная среда». И.А. Баева определяет её как психолого-педагогическую реальность, сочетающую специально созданные условия для становления личности с возможностями развития, заложенными в социальном и предметном окружении [1]. В.И. Слободчиков дополняет это представление, подчёркивая, что образовательная среда – это не статичный набор условий, а динамическая система, являющаяся результатом непрерывного взаимодействия всех участников образовательного процесса [2].

Аналогичным образом, суть «инклюзивного образовательного пространства» раскрывается через анализ термина «образовательное пространство». По мнению А.В. Шумаковой, это целостная и интегративная часть социума, обладающая собственной системой координат и создающая возможности для саморазвития личности на всех этапах её формирования [3]. И.А. Маланов рассматривает его как совокупность институтов и организаций, которые прямо или косвенно определяют процесс образования, направленный на формирование социально адекватного субъекта [4].

Объединяющим элементом для «среды» и «пространства» в контексте доступности является принцип инклюзивности. Инклюзивное образование (от франц. *inclusif* – включающий в себя) представляет собой модель, при которой обучение лиц с особыми потребностями интегрировано в общий поток в общеобразовательных учреждениях. Его идеологическая основа – безусловное равенство и отсутствие дискриминации, что предполагает не одинаковость, а создание специальных условий для реализации образовательных потребностей каждого [5].

Таким образом, можно заключить, что инклюзивная образовательная среда – это гибкая система специально организованных условий, доступных и адаптируемых под нужды всех

обучающихся, формируемая в процессе сотрудничества субъектов образования. Инклюзивное образовательное пространство – это более широкий концепт, охватывающий совокупность институтов, средств и методов, обеспечивающих равный доступ к образованию и возможности для самореализации личности, что полностью соответствует конституционной парадигме права на образование для всех граждан.

Литература

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: Монография // СПб.: Изд-во «СОЮЗ». 2002. 271 с.
2. Слободчиков В.И. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры // Новые ценности образования: культурные модели школ. №7. М.: Изд-во «Инноватор-Bennetcollege». 1997. С. 177-184.
3. Шумакова, А.В. Образовательное пространство как предмет научной рефлексии: возникновение и развитие понятия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. – Ростов-на-Дону. 2005. С. 85-89.
4. Маланов И.А. Понятие «Образовательное пространство» как педагогическая категория // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2012. №1. // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obrazovatelnoe-prostranstvo-kak-pedagogicheskaya-kategoriya> (дата обращения: 02.03.2023).
5. Яковлев, Б. П. Психическая нагрузка в спорте и инклюзивном образовании студентов-спортсменов : монография / Б. П. Яковлев, Г. Д. Бабушкин, А. В. Прибега. // С.: Вузовское образование. 2023. 118 с. // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART. URL: <https://www.iprbookshop.ru/125768.html> (дата обращения: 02.03.2023).

Орлова А.Н.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
hactia1988@mail.ru

Правовая охрана авторских прав в цифровой среде

Защита интеллектуальной собственности — стратегическая задача. Ее эффективность важна для экономической безопасности страны в условиях глобализации технологического прогресса [7].

Актуальность приобретает работа по определению правового статуса виртуальной собственности, так как цифровые технологии позволили перевести в виртуальное пространство объекты авторского права и смежных прав, при этом права и обязанности разработчик и пользователей остались без должного регулирования. Межгосударственный стандарт в качестве виртуальных представляет процессы и устройства обработки информации, которые считаются существующими в реальности, но реализация происходит благодаря использованию других средств и программного обеспечения. Это новый вид материи, характеризующейся пространственными, временными и структурными признаками, постоянно взаимодействующая с иными формами материи согласно законам природы, социальных групп и государственными нормативными предписаниями. Интернет позволил широко распространить и популяризировать произведения, одновременно с этим возникают негативные факторы:

1. Растет число нарушений авторских прав в онлайн пространстве: авторский контент может быть распространен без предварительного согласия правообладателя между большим числом пользователей, в связи с чем он терпит значительные финансовые убытки и потери, что подрывает основы права интеллектуальной собственности.

2. Проблемы защиты товарных знаков и патентов в Интернете.

3. Невозможность надежной защиты данных и сохранения их конфиденциальности: перенос части жизни в цифровое пространство может привести к потере персональных данных и сведений личного содержания.

4. Угроза распространения информации бесконтрольно и нелегально через работу пиратских сайтов, файлообменники и иные каналы [3].

Самым распространенным нарушением авторских и смежных прав в эпоху цифровизации является распространение путем публикации объектов интеллектуальной собственности и предоставление к ним общего доступа при отсутствии на это разрешения правообладателя, автора или исполнителя. В такой ситуации автор лишается материальной выгоды и прибыли за пользование его произведением или исполнением. Часто в разнообразных мессенджерах создаются «фейковые» сайты или страницы, на которых использована без соблюдения разрешительных процедур информация, принадлежащая другим пользователям. У многих пользователей сети сформировано мнение, что если он/она находит информационный ресурс бесплатно, то обладает возможностью для ее использования в собственных целях, но это не так. Более того из-за сложившихся представлений и менталитета, основанного на любви и предпочтению всего того, за что не надо платить, у пользователей даже не возникает мысль, что их действия повлекут для них последствия в виде значительной материальной выплаты правообладателю [8].

Опасность любых незаконных действий в Интернете, особенно в отношении авторских прав, состоит в том, что нарушитель предпринимает все возможные технические действия по удалению доказательств использования произведения и невозможности его идентификации.

Плагиат — еще одно распространенное нарушение. Вопросы авторства и защиты прав на элементы (оформление сайтов, рекламные объявления) или описания товаров, недостаточно урегулированы законом. Интернет-площадки копируют изображения, тексты, дизайн сайтов, хотя, конечно, на все вышеупомянутое должны существовать авторские права [4].

Кража контента, будь то текст, фото или видео, также вызывает проблемы. Авторы сталкиваются с трудностями при монетизации, доказывании своих прав и авторства.

Пиратство, когда платный материал распространяется бесплатно, остается актуальной проблемой — это наносит финансовый, репутационный ущерб авторам и правообладателям. Согласно ГК правообладатели должны самостоятельно доказывать свои права в суде [6].

Проблема пиратства, влекущего за собой внушительные убытки правообладателя при распространении принадлежащего ему авторского права, была осознана на законодательном уровне. Важно отметить, что 2.07.2013 г. был принят соответствующий закон, касающийся защиты интеллектуальных прав в ИТС»[2]. Упомянутый акт, известный как «антипиратский закон», внес соответствующие изменения в ст.1253.1 ГК [1] — он устанавливает ответственность непосредственно для информационных посредников, если они не предприняли всех нужных действий с целью устранения нарушений авторских прав в Интернете. Если такие нарушения были выявлены, а меры по их прекращению не были приняты, посредники могут быть привлечены к соответствующей ответственности.

Но без внимания остался вопрос о критериях, которые должны быть использованы для определения «достаточности». Поэтому статья 1253.1 ГК РФ должна быть дополнена перечнем необходимых действий информационного посредника для прекращения и в целях дальнейшего предотвращения нарушений интеллектуальных прав в сети Интернет.

Видится правильным возможность законодательного расширения положений части 4 ГК РФ относительно определения перечня объектов интеллектуальной деятельности и иных средств, которым должна быть предоставлена охрана. Сегодняшняя норма оставляет за пределами механизма правовой охраны многие результаты творческой и интеллектуальной работы. Вопрос защиты объектов ИС, не включённых в перечень, указанный в статье 1225 ГК РФ, вызывает значительные правовые сложности. По своей сути и признакам, такие объекты могут быть схожи с уже охраняемыми, однако Верховный Суд РФ отказывается распространять на них действие части четвертой Гражданского кодекса. Это оставляет им единственную возможность защиты — применение общих норм гражданского права или законодательства о конкуренции, что существенно ограничивает степень их правовой охраны.

Критика включения норм об ИС в ГК РФ также набирает силу, основываясь на мировой практике, которая демонстрирует предпочтение к созданию специализированных законов или кодексов для интеллектуальной собственности (позволяет лучше учитывать специфику данной правовой области, повышает эффективность регулирования). Включение норм административного содержания в ГК РФ (пункт 1 статьи 2 данного Кодекса) вызывает дополнительные вопросы, так как противоречит частно-правовому характеру этого кодифицированного источника, что нарушает принцип разделения публичного и частного права.

Сегодня остро ощущается необходимость принятия отдельного федерального закона, который бы полностью регулировал вопросы авторских прав в сети Интернет. Нарушения в киберпространстве разнообразны по форме и могут причинять значительный материальный ущерб авторам и правообладателям, что требует особого правового подхода. Текущие формы гражданско-правовой защиты авторских прав зависят от факта доказанности принадлежности прав, что создаёт дополнительные барьеры для их реализации, особенно в условиях отсутствия чёткой трактовки понятия «гражданское правонарушение в Интернете».

Для улучшения охраны авторских прав предлагается ввести в Гражданский кодекс нормы о цифровом депонировании, — позволит более эффективно фиксировать права на произведения в цифровом формате. Введение единого реестра объектов авторских и смежных прав стало бы важным шагом, упрощая процесс идентификации авторов и их произведений. Информация о результатах интеллектуальной деятельности должна быть доступна в единой системе, что, конечно, способствовало бы лучшему контролю за использованием контента.

Помимо этого, требуется разработка специализированного закона, который охватывал бы весь спектр вопросов, связанных с авторскими и смежными правами в цифровой среде. Упомянутое существенно укрепило бы правовую защиту в Интернете, где нарушения авторских прав становятся всё более распространёнными, сложными в плане пресечения.

Таким образом, существующий механизм защиты прав авторов в Интернете должен предусматривать правовые, технические меры. Юридические эксперты считают, именно

комбинированный подход — использование правовых инструментов в сочетании с программными, технологическими решениями — даёт наибольший эффект в киберпространстве. Именно такая совокупность принимаемых мер способна обеспечить эффективную защиту интересов авторов, правообладателей, способствуя сокращению числа нарушений, укреплению правовой базы в обозначенной нами сфере.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ
2. (ред. от 30.01.2024) // "Российская газета", N 289, 22.12.2006
3. Федеральный закон от 02.07.2013 N 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях" // "Собрание законодательства РФ", 08.07.2013, N 27, ст. 3479
4. Гончарова А. Р. Проблемы в праве интеллектуальной собственности в условиях развития цифровых технологий /А.Р. Гончарова//
5. Ефремова А.В. Охрана авторских прав в сети Интернет // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". 2021. № 13. С. 204-208.
6. Лиджиева, Н.Х. Актуальные проблемы защиты авторских прав в сети Интернет //Аллея науки. 2019. №5. С. 530-533
7. Мурашова С.В., Патров С.Р. Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав в условиях цифровой экономики // Общество: политика, экономика и право. 2021. №5. С. 54-57.
8. Суходоев Д. В., Зенова Е. Н. Перспективы использования интеллектуального капитала как главного фактора экономической безопасности России при переходе к цифровой экономике // На страже экономики. 2023. № 1 (24). С. 114-124.
9. Фомичёв О.А. Нарушения авторских и смежных прав в сети «Интернет»: способы их преодоления // Наука через призму времени. 2022. № 2. С. 21-24.

Орлова А.Н.

Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
hactia1988@mail.ru

Сохранение исторической памяти как сфера совместной деятельности государства и гражданского общества

Общество и государство - это заинтересованные в друг друге партнеры в деятельности по сохранению исторической памяти. Государство закрепляет на уровне законов различные направления политики в области сохранения исторической памяти, в основу многих из которых положены идеи и предложения представителей гражданского общества и его институтов. Особую значимость в поддержке исторического наследия приобрели волонтерские движения. Сегодня это одно из самых массовых и активно развивающихся способов сотрудничества государства и гражданского общества. Одной из наиболее значимых и распространенных форм проявления гражданского активизма стали волонтерские и добровольческие движения, действующие в направлении сохранения исторической памяти. Данные движения, представляя собой важную составляющую гражданского общества, выполняют функции как по социальному сплочению, так и по продвижению патриотических ценностей; вовлечение широких слоев населения, включая представителей различных общественных, религиозных и профсоюзных организаций, позволяет создать уникальные площадки для диалога между государством и обществом. В этой связи добровольческие инициативы по поддержке ветеранов и увековечиванию памяти о войне приобретают все большее значение не только для государственной политики, но и для укрепления культурного и исторического наследия страны. Изменения, произошедшие в законодательстве за последние годы, свидетельствуют о том, что государство заинтересовано в поддержке инициатив гражданского общества. На сегодняшний день государственные органы стремятся привлекать НКО и волонтерские движения к решению социальных задач. Упомянутое особенно важно на региональном и местном уровнях. Это позволяет создать гибкую систему распределения обязанностей между государственными органами, гражданскими объединениями. Это также способствует более оперативному, эффективному решению социальных проблем. Такое взаимодействие можно рассматривать как стратегически важное, поскольку именно через сотрудничество с гражданскими инициативами государство получает возможность внедрения новых форм социальной поддержки и обслуживания населения.

Особенное внимание следует уделить таким мероприятиям, как "Бессмертный полк" и "Георгиевская ленточка"; данные акции, организуемые НКО и общественными движениями, обеспечивают сохранение памяти о Великой Отечественной, способствуют консолидации общества вокруг общих исторических, культурных ценностей. Так, например, известная в мире акция «Бессмертный полк», охватившая миллионы людей как внутри России, так и за её пределами. По сути она стала не просто символом памяти о подвигах предков, но и мощным инструментом патриотического воспитания молодого поколения. Её успех можно объяснить именно тем, что она исходит "снизу", от самих граждан, а не инициируется государственными структурами. Такое народное движение создает естественную связь между поколениями, обеспечивая преемственность традиций и укрепляя чувство единства нации. «Бессмертный полк» как широкомасштабное движение возник в 2011 году во время празднования Дня Победы, но и до этого были отдельные акции, свидетельствующие о желании людей напомнить о подвигах их дедов и прадедов, отдавших жизнь за мирную жизнь и за свободу Родины. Впервые новосибирские школьники еще в 1965 году вышли на парад с фотографиями фронтовиков. И с каждым годом участников подобных акций становится все больше и больше. Без сомнения, что масштаб шествия «Бессмертный полк» объясняется прежде всего тем, что сама идея осознания себя частью созидательной мощи народа, единения со своими предками сподвигает людей на марш. Ежегодно вносятся новые и новые истории фронтовиков в летопись

на сайте «Бессмертный полк». На сегодняшний день только в России уже более 10 миллионов человек вышли с портретами участников Великой отечественной войны. Полагаем, что это народное движение будет только шириться и вовлекать все новых и новых участников, желающих пронести портреты их близких. Все эти мероприятия помогают молодежи задуматься о том, какой огромной трагедией для нашего народа была ВОВ, и каких жертв стоила Великая победа [2].

Добровольческая деятельность отражает уровень благосостояния населения и активность общественных организаций. Волонтерство помогает гражданам адаптироваться в обществе и решать общественные проблемы, часто поддерживается государством; представляет собой деятельность некоммерческих организаций, созданных на основе инициативы граждан для достижения общих целей. Участие в волонтерстве позволяет человеку улучшать общество, влияет на социально-политические отношения, формирует патриотизм и гражданскую позицию. Волонтерство основано на бескорыстном служении и гуманных ценностях.

В эпоху цифровизации и необходимости обеспечения информационного суверенитета РФ важной стала деятельность нового направления волонтерства – киберволонтерства. Можно выделить три ключевых направления работы кибердобровольцев: выявление противоправного контента, реализация просветительских проектов и создание позитивного медиаконтента. Важно осознавать, что мониторинг информационного пространства на предмет выявления угроз — только часть того, что может делать кибердоброволец. Высокую социальную значимость приобретают социальная реклама, видеоролики, памятки, методички, инфографика, буклеты и другие материалы, направленные на историческое просвещение, формирование традиционных духовно-нравственных ценностей, а также поведения в интернете, основ медиабезопасности, продвижения позитивных ценностей наследия прошлого и значимости подвига героев страны.

Некоммерческие организации имеют главное преимущество — достижение общественно полезных целей. За это они получают льготы от государства. Данные льготы выступают как вознаграждение за выполнение социальных программ. НКО, государство создают договор, который позволяет НКО получать спонсорскую поддержку. Главное требование — выполнение социальной функции, ради которой НКО получают помощь [1].

— субсидии некоммерческим организациям, в т.ч. молодежным и детским коллективам (помимо казенных учреждений), на реализацию мероприятий по сохранению исторической памяти и гражданскому воспитанию. Гранты предоставляются в рамках федерального проекта "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации" национального проекта "Образование" в соответствии с Правилами, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 27.05.2021 N 811 (п. 1 указанных Правил).

Значительное внимание данной проблеме отводят в своей деятельности Общественная палата Российской Федерации, Российское историческое общество, Русское географическое общество, Поисковое движение России, Общероссийская организация «Офицеры России», ветеранские и молодежные организации. Среди основных форм их работы в данной сфере — законодательные инициативы, проведение международных конференций, общественные слушания, экспертиза литературы и учебников, издательская деятельность, выступления в СМИ, поисковая работа.

В действующих нормативно-правовых актах законодатель декларируя необходимость партнерства государства с представителями третьего сектора, устанавливает множество разнообразных форм участия отдельных некоммерческих организаций в обеспечении сохранения исторической памяти страны. Но потенциал гражданского общества не реализован в полном объеме, так как степень человеческого участия, поддержки социальных формирований в обсуждении и разрешении вопросов национальной безопасности не может подтверждать окончательность сформированности негосударственной составляющей системы безопасности.

Разработка эффективных механизмов для вовлечения гражданского общества в процессы исторического просвещения и защиты исторической правды является критически важной задачей. В текущей ситуации наблюдается недостаток понимания среди органов местного самоуправления и субъектов Федерации о необходимости сотрудничества с институтами гражданского общества. Можно предположить, что отсутствие мотивации для такой

кооперации, за исключением директив сверху, значительно сужает возможности взаимодействия. Несмотря на то что представители гражданского общества готовы принимать участие в предоставлении социальных услуг на местном уровне, муниципалитеты не создают необходимых условий для такого сотрудничества.

Литература

1. Степанов Д.И. В поисках критерия разграничения юридических лиц на два типа и принципа обособления некоммерческих организаций // Вестник гражданского права. 2007. № 3.
2. Федоткина Е. В. Сохранение исторической памяти сегодня // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. № 1(84). С. 95-101

Попова В.В.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
verav25@mail.ru*

Формирование отделения органов внутренних дел в городе Муроме в XIX -начале XX вв.

Отделение органов внутренних дел города Мурома имеет почти 300-летнюю историю и ведет начало с 1743 года, когда решением муромского городского магистрата было создано отделение полиции. Это отделение стало первым во Владимирской губернии. Впоследствии городскому магистрату пришлось отстаивать свое право на полицейское отделение путем обращения в Сенат. В 1766 году Сенат подтвердил право города Мурома иметь собственную полицмейстерскую контору.

Реформы второй половины XIX века повлекли организационные и финансовые изменения полицейской службы. Деятельность отделения полиции города мурома регулировалась городской думой и финансировалась из городского бюджета.

После революции 1905 года, когда во многих городах стали создаваться дополнительные органы охраны порядка, муромская городская дума приняла решение о создании подобного органа в городе. Так еще до 1917 года было создано первое отделение милиции в городе. Это отделение снова оказалось первым в губернии. Однако просуществовало оно недолго и было расформировано приказом губернатора.

Вопрос о формировании милиции в Муроме вновь стал актуален после февральской революции 1917 г. Постановлением Временного правительства от 17 апреля 1917 г. «Об учреждении милиции» была упразднена полиция и жандармерия. 3 марта 1917 г. Исполнительным комитетом Мурома было принято решение о создании в городе отделения милиции.

В соответствии с Постановлением Временного правительства «Об учреждении милиции», принятым 17 апреля 1917 г. милиция выполняла функции органа исполнительной власти на местах и подчинялась органам городского управления и финансировалась из местного бюджета. В ее обязанности входила борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка.

Формированием советской милиции началось с принятием 28 октября (10 ноября) 1917 г. Постановления НКВД «О рабочей милиции». Впоследствии принятия Постановления была официально утверждена как День милиции.

В течение 1917 года милиция не имела четкой организации и достаточного правового регулирования, отсутствовали требования к сотрудникам.

12 октября 1918 г. было принято Постановление НКВД и Наркомюста «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции». Был закреплен правовой статус милиции как государственного органа, призванного обеспечивать охрану общественного порядка.

Положения «Об организации отделений уголовного розыска» от 5 октября 1918 г. вводило централизованную систему органов, занимающихся расследованием преступлений. В Муроме розыскной отдел был сформирован в 1920 г. До этого времени отделение угрозыска существовало только во Владимире.

Декретом ВЦИК РСФСР от 21 февраля 1919 г. «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны» учреждалась милиция, в задачи которой входило обеспечение безопасности железнодорожного сообщения, контроль за соблюдением правил перевозки пассажиров и грузов и охрана железнодорожных станций. В апреле 1919 г. в Муроме, через который проходила железная дорога, было сформировано отделение железнодорожной милиции.

Декрет о рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г. завершил формирование советской милиции как централизованной системы органов исполнительной власти,

подотчетным Главному управлению милиции НКВД РСФСР. Финансирование милиции осуществлялось из государственного бюджета.

К 1923 г. муромская городская милиция стала одной из лучших в губернии. Она подразделялась три уездных и два городских района, причем один из уездных районов был за рекой Окой. В ее обязанности входило расследование преступлений, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, в случае выявления нарушений – составление протоколов и привлечение к ответственности, выдача документов, удостоверяющих личность. На законодательном уровне были закреплены требования к сотрудникам: на службу в милицию принимались граждане РСФСР, в возрасте от 21 года, наделенные избирательным правом и соответствующие требованиям об образовании.

Таким образом, милиция города Муром было создано в 1917 г. и заменила собой отделение полиции. Уже в первые годы существования муромское отделение милиции прошло путь от организации, действующей на добровольных началах, не имеющей четких правовых и организационных основ до отделения органов внутренних дел, действующего на профессиональной основе и успешно выполняющего возложенные на него обязанности.

Литература

1. Попова В.В. Формирование и деятельность милиции уездного города Муром в 1917-1923 гг.// Манускрипт. 2025. Том 18. Выпуск 1. С. 296-300
2. Бубнова Ю.Г. Железнодорожная милиция Владимирской губернии в годы Гражданской войны в России (1917-1921 гг.) // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. науч. тр. / ВГПУ. Владимир, 2006. Вып. №6.
3. На острие закона. Муромская милиция: история, факты, реальность. Под общ. ред. А.В. Жаргова. Муром: Издательство МИ ВЛГУ, 2006.

Чуркин Б.А.

*Муромский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
602264 г. Муром, Владимирской обл., ул. Орловская, д. 23
churkin.bogdan@mail.ru*

Искусственный интеллект для современного юриста: депрофессионализация или новая квалификация?

При отслеживании цифровой трансформации современного права стоит отметить, что внедрение искусственного интеллекта вызывает в профессиональном юридическом сообществе России оживлённую дискуссию, сочетающую интерес к новым возможностям с серьёзной озабоченностью.

Цифровая трансформация права сегодня — уже далеко не фантастический сценарий, а рабочая реальность. Искусственный интеллект – от алгоритмов поиска судебной практики до систем прогнозной аналитики и роботизированного составления документов – всё активнее интегрируется в юридическую профессию. Однако этот процесс вызывает среди практикующих юристов не только оптимизм, но и определённую настороженность.

Среди проблем и задач применения возможностей искусственного интеллекта в юридической практике возможно выделить наиболее существенные и обсуждаемые, а именно:

- Правосубъектность ИИ: отсутствие в законодательстве понятия «электронного лица». Кто будет нести ответственность (разработчик, оператор, владелец) за ущерб от ошибочного решения, сгенерированного ИИ (например, некорректный договор или ошибочный прогноз по судебному спору)?;

- Соответствие актуальным нормам: сложность обеспечения полного соответствия решений ИИ постоянно меняющемуся российскому законодательству, учитывающему не только федеральные законы, но и подзаконные акты, разъяснения высших судов и ведомств;

- Проблема так называемого «Чёрного ящика»: вопрос объяснимости и прозрачности принятия решений сложными алгоритмами. Как убедить суд или контролирующий орган в обоснованности вывода, если его логика порой непрозрачна даже для самих разработчиков ИИ? ;

- Доступ к правосудию: с одной стороны, ИИ в недалёком будущем вполне может удешевить и даже упростить первичную юридическую помощь. А с другой — может возникнуть реальная угроза цифрового неравенства между крупными корпорациями, использующими дорогие системы ИИ, и маленькими фирмами или обычными гражданами;

- Состязательность процесса: предположим, что одна сторона активно использует мощный ИИ-инструмент прогнозирования судебных решений или анализа доказательств, а другая нет, это может нарушать принципы равноправия и состязательности сторон;

- ИИ в судопроизводстве: уже существующие пилотные проекты по так называемым «электронным судьям» для мелких тяжб. Где та грань, за которой теряется независимость и свободное убеждение судьи? ;

- Дегуманизация права: юриспруденция — это не одна только логика и точный расчёт, но и справедливость, милосердие, оценка конкретных обстоятельств отдельно взятого дела и т.д. Сохранится ли место для всех этих категорий при возрастающей роли машинного анализа и распространении ИИ в правовой сфере?

В настоящее время отдельного внимания со стороны ведущих отечественных юристов стала заслуживать проблема возможной скорой депрофессионализации юридического сообщества на волне роста возможностей ИИ. Одновременно всё чаще поднимается вопрос и о новой квалификации современных юристов-практиков. Уже много раз приходилось слышать мнение о постепенном превращении юриста из творца правовой позиции в пассивного «надсмотрщика» за алгоритмом. В то же время, открывается абсолютно новое окно возможностей для формирования новой, более высокой квалификации юристов, объединяющей глубокое правовое понимание с технологической грамотностью.

Внедрение ИИ создает большой соблазн чрезмерного делегирования. Когда алгоритм за секунды анализирует множество судебных актов по заданной тематике и выдаёт вероятностный прогноз исхода дела, а нейросеть генерирует внешне безупречный проект договора, у юриста-практика возникает искушение принять результат как данность. Это путь к «выученной беспомощности» и эрозии главного профессионального навыка — критического юридического мышления.

Отметим, что опасность заключается не в самом использовании инструментов ИИ, а в слепой доверчивости к ним.

Юрист, который перестает проверять, анализировать и оспаривать выводы ИИ, де-факто передаёт часть своей профессиональной ответственности алгоритму, оставаясь при этом единственным ответственным лицом перед клиентом или судом. Возникает опасный разрыв между формальной подписью под документом и реальной глубиной его понимания.

Угрозу депрофессионализации можно преодолеть только путём целенаправленного формирования новой квалификации. Юрист эпохи самообучаемого ИИ должен стать не оператором, а управляющим интеллектуальными активами. Для этого требуются компетенции, которые можно объединить в три блока:

- Понимание базовых принципов работы машинного обучения, NLP и предсказательной аналитики. Цель — вовсе не написание кода, как многие полагают, а способность диалога с разработчиками, оценка границ применимости системы и формулирование для неё корректной юридической задачи. Ключевой навык — умение задавать ИИ правильные проверочные вопросы;

- Критическая интерпретация: Один из ценных навыков будущего — это способность не генерировать первичный массив данных (сегодня это быстро и грамотно делает ИИ), а проверять, интерпретировать и облекать в убедительную правовую позицию машинный вывод. Так юрист становится проводником между логикой алгоритма и гуманитарной логикой права, суда, человеческих взаимоотношений.

- Управление данными и процессами: Современный юрист должен разбираться в качестве и природе данных, на которых обучена система ИИ. Он также становится процессным дизайнером, выстраивающим workflow, где ИИ берёт на себя рутинный анализ и черновики, а человеческий интеллект фокусируется на стратегии, сложной аргументации, переговорах и этической оценке всей ситуации или определённых нюансов.

Сегодня фундаментальное юридическое образование понемногу смещает фокус с запоминания нормативных массивов на развитие методологии, критического мышления, основ программирования и data science. Появляются магистерские программы по LegalTech и цифровому праву.

В свою очередь, рынок труда уже порождает новые гибридные роли: legal-операционный менеджер, юрист-процессный аналитик, консультант по внедрению юридических технологий. Ценится способность быть «переводчиком» между tech- и legal-мирами.

Также и профессиональные сообщества (например, АЮР) начинают разрабатывать этические стандарты работы с ИИ, которые в перспективе вполне могут стать частью профессиональной сертификации.

Таким образом, ИИ не заменяет юриста, но радикально меняет набор его компетенций. Ценность смещается от обработки информации к постановке задач, интерпретации результатов и принятию ответственных решений в условиях, когда алгоритмическая рекомендация — лишь один из факторов.

Главной гарантией от депрофессионализации является осознанное развитие технологической грамотности. Юрист сегодня должен понимать основы работы ИИ, чтобы сохранить суверенитет своего профессионального суждения и нести полноценную ответственность за конечный результат. Будущее за моделью «пилот и штурман». Юрист-пилот принимает стратегические решения, держит руку на пульсе этики и коммуникации, в то время как ИИ-штурман обеспечивает его точной навигационной информацией. Их грамотное сочетание и создаст в итоге новое качество юридических услуг.

Профессия не исчезает — она вновь эволюционирует, и её ядром по-прежнему остаётся человеческое суждение, опыт и ответственность.

Литература

1. Калятин В.О., Панченко Д.В. Цифровизация права: введение в проблемы. // Закон. – 2020. – № 10. – С. 68–82. (Анализ общих трендов цифровизации с юридической точки зрения).
2. Незнамов А.В., Смирнов А.А. Искусственный интеллект и право: модели регулирования. // Искусственный интеллект и право. – 2021. – № 1. – С. 5–15. (Обзор регуляторных подходов к ИИ, включая вопросы ответственности).